Иммануил Валлерстайн

Кривая американского могущества

После окончания Второй мировой войны геополитика миросистемы прошла три этапа. С 1945 по 1970 г. Соединенные Штаты обладали неоспоримой гегемонией. Она начала приходить в упадок в 1970–2001 гг., но степень падения ограничивалась стратегией, избранной Соединенными Штатами для замедления и минимизации последствий, связанных с утратой своего господства. С 2001 г. Соединенные Штаты стремились восстановить свои позиции при помощи более односторонней политики, которая, однако, привела к обратным последствиям, только увеличив скорость и глубину падения.

1. Неоспоримая гегемония, 1945–1970

Оглядываясь на 1945 г., можно заметить, что конец Второй мировой войны ознаменовал собой завершение восьмидесятилетней борьбы между Соединенными Штатами и Германией за определение того, кто из них станет преемником Великобритании, переживавшей упадок в качестве гегемонистской державы в миросистеме по крайней мере с 1873 г. Во время наивысшего подъема этой борьбы в течение трех десятилетий — с 1914 по 1945 г. (в нее оказались втянутыми все ведущие индустриальные державы миросистемы), особенно на ее последнем этапе (так называемой Второй мировой войне) населению Европы и Азии был нанесен огромный физический ущерб и была уничтожена большая часть промышленного оборудования. Соединенные Штаты выиграли войну против Германии, получив безоговорочную капитуляцию, при поддержке своих основных союзников — СССР и Великобритании, которые понесли серьезные потери. После окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты были единственной державой, которая не только ничего не потеряла в своем промышленном потенциале, но даже заметно его увеличила. Это означало, что на протяжении 15–20 лет после окончания войны Соединенные Штаты могли производить все основные товары гораздо более эффективно, чем другие индустриальные страны, и продавать их на внутренних рынках гораздо лучше. Кроме того, физические разрушения в Европе и Азии были настолько значительными, что многие страны страдали от нехватки продовольствия, нестабильности валюты и острых проблем с платежным балансом. Они нуждались в скорой экономической помощи, и за ней пришлось обращаться к Соединенным Штатам.

Соединенные Штаты легко могли превратить свое абсолютное экономическое превосходство в политическое главенство. Впервые в своей истории они также стали основным локусом геокультуры, когда Нью-Йорк потеснил Париж в качестве столицы мирового искусства во всех его формах. Американская университетская система быстро начала доминировать практически во всех областях научных исследований. Единственной областью, которая продолжала вызывать опасения у Соединенных Штатов (и не без оснований), была военная арена. Внутренняя политика требовала быстрого послевоенного сокращения американской армии, численность которой поддерживалась в соответствии с универсальным планом системы. Вашингтон опирался прежде всего на два военных актива — ядерное оружие и стратегическую авиацию, способную доставить бомбы в любое место земного шара. Но существовала

еще она крупная военная держава — Советский Союз. И хотя Советская армия понесла большие потери во время войны, она была очень многочисленной и не была демобилизована. Кроме того, в течение четырех лет Советский Союз оказался в состоянии создать свое ядерное оружие, разрушив тем самым монополию Соединенных Штатов.

Ялтинские механизмы

Единственным разумным решением в этой ситуации была некая политическая сделка между теми, кого впоследствии стали называть сверхдержавами. Эта сделка получила название ялтинской, хотя она выходила далеко за рамки формальных соглашений, достигнутых на ялтинской конференции. Она состояла из трех частей. Первая была связана с разделением мира на сферы влияния. В Европе Вторая мировая война завершилась на определенной линии, проходящей по Эльбе в Германии и далее, на юг, до Средиземного моря. В Восточной Азии такая линия проходила по 38-й параллели, разделяя Корею на две части. Каждая сторона должна была сохранять контроль в своей части, молчаливо отказываясь от использования военной силы для изменения status quo. В результате под контролем Советского Союза оказалась примерно треть мира (она была занята советскими войсками), а под контролем Соединенных Штатов — весь остальной мир.

Так как сделка никогда не была открытой, в последующие годы она не раз ставилась под сомнение — Северный Иран, гражданская война в Греции, блокада Берлина, Корейская война, споры по поводу Тайваньского пролива, волнения в Восточной Европе (1953, 1956, 1968 и 1980–1981) и прежде всего карибский кризис. Следует отметить, что во всех этих мини-кризисах обе стороны всегда воздерживались от использования ядерного оружия (так называемый баланс страха), а ситуация всегда возвращалась к status quo. На самом деле взаимное признание геополитических границ друг друга сохранялось на всем протяжении так называемой холодной войны, несмотря на попытки различных сил внутри каждого из этих лагерей отказаться от соблюдения условий сделки.

Второй аспект «Ялты» связан с экономической сферой. Соединенные Штаты должны были восстановить экономическую инфраструктуру своих союзников. Причины для этого отчасти были политическими (обеспечение лояльности союзников), а отчасти экономическими (нет никакого смысла быть наиболее эффективным производителем в мире, когда твою продукцию некому купить). Но Соединенные Штаты не хотели тратить средства на восстановление экономической инфраструктуры Советского Союза и его блока. Обе стороны воспользовались блокадой Берлина для создания того, что позднее стало непреодолимой стеной между двумя экономическими зонами. Соединенные Штаты использовали блокаду для давления на конгресс с целью принятия плана Маршалла. Позднее они использовали корейскую войну для оправдания подобной экономической помощи Японии, Тайваню и Южной Корее. Советский Союз, со своей стороны, создал Совет экономической взаимопомощи со своими сателлитами в Центральной и Восточной Европе и установил прочные экономические связи с Китаем и Северной Кореей. В результате коммунистическая треть мира отделилась от остального капиталистического мира, перейдя к своеобразному коллективному протекционизму. Советский блок и его союзники использовали этот механизм для проведения индустриализации, достигнув больших темпов роста в этот период. Соединенные Штаты использовали его для создания

межгосударственного экономического порядка, в котором доллар был мировой резервной валютой, а американские промышленные и финансовые предприятия могли процветать.

Третья часть ялтинской сделки была идеологической. Каждая из сторон вправе была предъявлять громкие обвинения другой. Американская риторика разделила международную арену на свободный мир и тоталитарные государства; советская риторика разделила ее на буржуазный и социалистический лагери. Названия были разными, но суть одной и той же. Ни одна из сторон не признавала легитимность нейтралитета в этой идеологической войне. Но идеологии не позволяли определить дальнейшие политические и экономические решения. На самом деле задачей этой риторики было обуздание потенциальных диссидентов в своих собственных странах и недопущение появления групп, которые могли поставить под вопрос существующее геополитическое устройство. В результате мировое общественное мнение было разделено на два лагеря, и каждая сторона имела немало сторонников.

Тучи сгущаются

Имея на руках ялтинские договоренности, Соединенным Штатам несложно было делать то, что делают гегемонистские державы, т. е. установить глобальный порядок в соответствии со своими интересами, основанный на своеобразном долгосрочном мировом социальном проекте. На собственной геополитической арене Соединенные Штаты могли рассчитывать на получение 95 % того, что им было нужно на протяжении 95 % времени. Это был период быстрого роста мировой экономики, повышения уровня жизни в целом и расцвета науки и искусства. Несмотря на различные приступы истерии, уверенность в будущем была широко распространена. Но гармония этих лет — trente glorieuses, как называют их французы — была слишком хороша, чтобы длиться долго.

Две вещи подорвали послевоенный порядок. Первой было экономическое восстановление Европы и Японии (и так называемых «четырех драконов»). Положение в этих областях стало настолько благополучным в результате проводимой американцами политики реконструкции, что к середине 1960-х г. они по своим экономическим показателям стали приближаться к Соединенным Штатам. Американские производители больше не могли превосходить немецких, французских или японских производителей на их внутренних рынках. Напротив, Соединенные Штаты начали импортировать промышленную продукцию этих стран, а они стали сравнительно конкурентоспособными на рынках третьих стран. В результате сокращения экономического разрыва между Соединенными Штатами и их основными союзниками могло произойти политическое и финансовое самовыравнивание этих стран с Соединенными Штатами.

Вторая вещь была связана с так называемым третьим миром, т. е. всеми теми странами, интересы и даже взгляды которых находились за пределами сферы внимания двух сверхдержав. Эти государства продолжали действовать автономно и даже непокорно везде, где только могли. Китайские коммунисты проигнорировали указание Сталина вести переговоры с Гоминьданом и вместо этого устроили марш в Шанхай, провозгласив Китайскую Народную Республику. Вьетминь никогда не чувствовал себя связанным соглашениями, заключенными в Женеве между Соединенными Штатами, Францией и Советским Союзом, и продолжил освобождение своей страны. Алжирцы

отвергли идею о том, что Коммунистическая партия Франции должна диктовать их стратегию и будущее, и начали войну за национальное освобождение. А кубинцев в Сьерра-Маэстра во главе с Кастро не испугало присутствие Коммунистической партии Кубы в правительстве Батисты. Они спустились с холмов и захватили сначала Гавану, а затем и кубинскую компартию.

Короче говоря, способность Советского Союза сдерживать попытки народных сил третьего мира расстроить ялтинские планы оказалась ограниченной, и сверхдержавам пришлось — неохотно и с опозданием — прийти к соглашению с ними. В результате освободительные движения третьего мира никогда не пользовались таким расположением со стороны сверхдержав, которым теперь пришлось отказаться от своей политики «никакого нейтралитета» и начать поиск национальных лидеров в этих странах, с которыми они могли бы договориться. Соединенные Штаты постоянно вызывали недовольство старых колониальных держав, которые полагали, что эта новая американская политика была неразумной и назойливой. Этот сдвиг в молчаливой политике сверхдержав произошел после Бандунга — встречи двадцати девяти стран Азии и Африки в 1955 г., на которой было заявлено о появлении новой силы, участвующей в процессе принятия решений в миросистеме, с которой Соединенным Штатам и Советскому Союзу пришлось считаться.

Сочетание экономического роста Западной Европы и Японии, потерь, которые понесли Соединенные Штаты в результате войны во Вьетнаме, и распространения идеологии освобождения не только в третьем мире, но и в Западной Европе и Соединенных Штатах ознаменовало собой кончину послевоенной геополитической системы. Символически она совпала с мировой революцией 1968 г.

2. Упадок. 1970–2000

Новый этап определялся двумя важными геополитическими изменениями: политико-культурными преобразованиями, связанными с потрясениями 1968 г., и экономической турбулентностью, которая была вызвана завершением длительного роста мира-экономики — так называемой кондратьевской А-фазой — и началом того, что оказалось тридцатилетним периодом застоя — кондратьевской В-фазой. Для понимания этой фундаментальной реструктуризации геополитической арены необходимо рассмотреть потребности каждой из сторон.

Мировая революция 1968 г., продолжавшаяся с 1966 по 1970 г., была восстанием против властей со стороны студентов и — нередко — рабочих. Эти восстания вспыхивали внезапно и обычно ни к чему не вели, хотя нередко казались ураганами пятой категории сложности тем, кого они касались. Мы можем называть их мировой революцией, потому что они происходили практически всюду, независимо от трехчастного деления миросистемы того времени на Запад, коммунистический блок и «третий мир». По-настоящему полную историю этих событий еще предстоит написать — большинство комментариев до сих пор касалось громких событий, которые освещались средствами массовой информации, оставляя без внимания менее значительные восстания, нередко направленные против крайне авторитарных режимов.

Всякий раз проблемы имели локальное и глобальное измерение. Две глобальные проблемы постоянно в том или ином виде озвучивались почти во всех восстаниях. Первой было неприятие ялтинских механизмов — обычно в виде обвинения

Соединенных Штатов в империализме (во время войны во Вьетнаме) и Советского Союза в «сговоре» с ними. На самом деле представление о разделе мира на две сверхдержавы и всех остальных было концептуальным нововведением китайского маоизма той эпохи. Второй глобальной проблемой была критика новыми революционерами старых левых, т. е. трех классических разновидностей антисистемных движений — коммунистических партий (находившихся у власти в так называемом социалистическом блоке), социал-демократических партий (чередующихся у власти в большинстве стран Запада) и национально-освободительных и популистских движений (находившихся у власти в большинстве стран третьего мира). Основной мишенью в критике старых левых новыми была двухэтапная программа — сначала приход к власти, а затем изменение мира. Но, оказавшись у власти, старые левые так и не смогли изменить — на национальном или международном уровне — иерархический, недемократический и неэгалитарный порядок. С точки зрения революционеров 1968 г., находившиеся у власти партии старых левых сами стали серьезным препятствием для проведения изменений, обещанных ими на мобилизационном этапе.

Сочетание этих двух идей — сговора Советского Союза с американским империализмом и политической несостоятельности старых левых — смертельно подрывало политическую силу движений старых левых. Радикальные стратегии требовали пересмотра вследствие широкого разочарования в идее, что основной целью народных движений был приход к власти — в одном государстве за другим. Политическое разочарование вскоре дополнилось экономическими сомнениями. В период с 1945 по 1970 г. широкое распространение получила идея развития, согласно которой проведение правильной государственной политики позволяло любой стране достичь уровня жизни наиболее богатых стран. Соединенные Штаты, Советский Союз и страны третьего мира, несомненно, использовали разные словари развития, но их основные цели были поразительно сходны. Основное предположение заключалось в том, что сочетание индустриализации и урбанизации, более эффективного сельского хозяйства и более качественного образования с краткосрочным протекционизмом (замещение импорта) приведет к долгожданному процветанию.

От развития к дерегулированию

В 1960-х гг. Организация Объединенных Наций провозгласила 1970-е гг. десятилетием развития. На самом деле 1970-е положили конец развитию как идеологии, так и политики. Расширяющийся мирэкономика достиг пределов роста производства в ведущих отраслях (результат экономического восстановления Западной Европы и Восточной Азии), вызвав резкое сокращение прибыли в наиболее динамичных секторах. Это привело к знакомым результатам: переносу многих из этих отраслей в полупериферийные страны, где уровень заработной платы был более низким (эти страны считали такой перенос развитием); рост безработицы во всем мире, особенно в наиболее богатых странах, который привел к сокращению реальной заработной платы и налоговых поступлений; соперничество между триадой Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония / Восточная Азия за экспорт безработицы друг другу; переход инвестиционного капитала от промышленных предприятий к финансовым спекуляциям; и резкий рост государственного долга. В 1970-х гг. произошло два значительных скачка цен на нефть, ставшие серьезным потрясением для большинства стран третьего мира. Кроме того, страны третьего мира и страны социалистического блока столкнулись с проблемой платежного баланса, так как рынки для экспорта в

богатые страны ослабли, а импорт стал более дорогим. Рента, получаемая странами, занимающимися добычей нефти, размещалась в основном в американских и немецких банках, откуда эти деньги предоставлялись в виде займов странам третьего мира и социалистического блока. Вскоре для большинства из них бремя процентов по займам и погашения самого долга стало слишком тяжелым, и в 1980-х гг. произошел долговой кризис. Провал идеологии развития расчистил пространство для неолиберального наступления во главе с режимами Тэтчер и Рейгана, Международным валютным фондом и Мировым экономическим форумом в Давосе.

Появилось новое описание пути к земле обетованной — так называемый Вашингтонский консенсус, перевернувший большинство догм развития. Импортозамещающая индустриализация теперь считалась проявлением коррумпированной клановости, государственное строительство — раздутой бюрократией, финансовая помощь богатых стран — пустой тратой денег, а парагосударственные структуры — препятствием для предпринимательской деятельности. Государства призывали перестать тратиться на образование и здравоохранение. Государственные предприятия, считавшиеся по определению неэффективными, следовало как можно скорее приватизировать. Рынок, а не благосостояние населения теперь стал критерием оценки деятельности государства. МВФ навязывал этот подход, предоставляя займы при условии проведения структурных преобразований, что означало по сути выполнение предписаний Вашингтонского консенсуса.

Геополитика миросистемы радикально изменилась. Страны третьего мира утратили уверенность в себе, которую они обрели в предыдущую эпоху, а улучшения в уровне жизни исчезли после наступления экономических последствий глобальной стагнации. Многие политические режимы начали распадаться; экономическая нужда дополнилась гражданскими войнами и прочими внутренними неурядицами. Один за другим они уступали требованиям Вашингтонского консенсуса. И советскому блоку не удалось избежать такой судьбы. Его некогда впечатляющие темпы роста резко упали, его авторитарное внутреннее единство затрещало по швам, а способность Москвы контролировать неспокойных сателлитов постепенно ослабевала. Наконец, сам Советский Союз при Горбачеве вступил на путь политических и экономических реформ (перестройка и гласность). Лекарство во многих отношениях привело к блестящим результатам; но, к сожалению, пациент скончался.

Попытка справиться с американским упадком

Многим казалось, что период после 1970 г. был золотым веком для Соединенных Штатов. Но все обстояло совершенно иначе. Во-первых, Соединенные Штаты проиграли серьезную войну против маленькой страны. Никсон с позором оставил Сайгон, а американцам пришлось бороться с вьетнамским синдромом, т. е. серьезным нежеланием американского населения отправлять своих солдат на потенциально губительные войны в отдаленных уголках света. Вдобавок к Вьетнаму разразился уотергейтский скандал, который вынудил Никсона уйти в отставку. Но военное поражение и внутриполитический кризис были только фоном для геополитических трудностей Америки — утраты всякого бесспорного экономического превосходства над своими главными союзниками, т. е. Западной Европой и Японией. И как только члены триады более или менее выровнялись в экономическом отношении, Соединенные Штаты больше не могли рассчитывать, что Западная Европа и Япония

будут и дальше вести себя как политические сателлиты. Американская внешняя политика должна была измениться. Начиная с Никсона и на протяжении следующих трех десятилетий (от Никсона до Клинтона через Рейгана) все администрации сосредоточили свои усилия на цели, которая не была выражена явно, — на замедлении упадка американской гегемонии.

Программа, которую они осуществляли, состояла из трех пунктов. Первым пунктом было предложение «партнерства» Западной Европе и Японии, призванное сохранить политическое влияние Соединенных Штатов. Вашингтон сказал своим основным союзникам, что предоставит им право голоса в построении совместной мировой геополитической политики, если они в свою очередь воздержатся от односторонней политики. Партнерство обеспечивалось созданием ряда институтов: трехсторонней комиссии, встреч «Большой семерки», Мирового экономического форума в Давосе. Основным аргументом, который использовали Соединенные Штаты, была необходимость поддержания единого фронта против Советского Союза, который перестал соблюдать ялтинские соглашения, вмешавшись в Афганистан, чтобы поддержать коммунистический режим. Партнерство было не слишком успешным в сдерживании основных союзников. Вопреки воле американского правительства Германия проводила так называемую Ostpolitik; Западная Европа, включая правительство Тэтчер, строила газопровод из Советского Союза на Запад, а в 1990-х гг. Южная Корея начала «политику солнечного света» к Северной Корее. Но все же оно было довольно успешным: союзники отходили не слишком далеко.

Второй пункт декларировал военное превосходство Соединенных Штатов. Теперь, когда Вьетнам позволил увидеть основные недостатки американских сухопутных войск, как никогда более важным стало поддержание ядерной мощи. Соединенные Штаты уже утратили абсолютную монополию в ядерном оружии, и к середине 1960-х гг. оно имелось у Великобритании, Советского Союза, Франции и Китая. Но Соединенные Штаты решили, что важно ограничить на этом его распространение. Таким образом, вторым пунктом было стремление прекратить распространение ядерного оружия. Договор о нераспространении ядерного оружия вступил в силу 5 марта 1970 г. В нем предлагалась сделка: пять ядерных держав вели переговоры о ядерном разоружении, позволяли и даже помогали другим странам развивать использование ядерной энергии в мирных целях; в свою очередь остальной мир отказывался от разработок ядерного оружия. Три страны — Индия, Пакистан и Израиль — отказались подписать соглашение. У всех трех государств теперь есть ядерное оружие. Но большинство стран подписали его, в том числе многие страны, собиравшиеся начать разработку ядерного оружия. Официального списка не существует, но, во всяком случае, в него входят Швеция, Германия, Южная Корея, Япония, Южная Африка, Бразилия и Аргентина. После краха Советского Союза три независимые республики — Украина, Белоруссия и Казахстан — отказались от оружия, которое находилось на их территориях. Конечно, имеется и небольшая группа стран, реальные действия которых долгое время вызывали споры, — Ирак (чья ядерная установка в Осираке была уничтожена Израилем в 1981 г.), Ливия (которая закрыла свои установки в 2004 г.), Северная Корея и Иран. Почему же этот договор так важен для Соединенных Штатов? Дело в том, что наличие у страны даже незначительных ядерных вооружений позволяет существенно ограничить стратегические возможности Соединенных Штатов и область влияния их Вооруженных сил. Можно сказать, что эта вторая цель также была частично — но только частично — успешной.

Третий элемент пересмотренной американской внешней политики — экономический. Когда Вашингтонский консенсус сменил развитие в качестве господствующей доктрины в мире, американское экономическое (особенно финансовое) участие в странах третьего мира стало гораздо более выгодным, тем самым возместив отчасти сокращение доходности в ведущих в прошлом отраслях в Соединенных Штатах. Во многих отношениях этот аспект пересмотренной внешней политики был наиболее успешным до конца 1990-х гг.

После холодной войны

Но сам успех, хотя и частичный, этих усилий по замедлению упадка гегемонии создал серьезные трудности для Соединенных Штатов именно тогда, когда они провозгласили себя единственной сверхдержавой. Первая трудность была связана с крахом Советского Союза. В риторике Соединенных Штатов, советской системе необходимо было положить конец. Рейган осудил империю зла и обратился к Горбачеву с призывом разрушить Берлинскую стену. Когда Горбачев разрушил стену (на это у него были свои причины) и форсировал разоружение обеих сверхдержав, Соединенные Штаты оказались в растерянности, не зная, что делать. За относительно короткий период страны Восточной и Центральной Европы свергли коммунистические режимы и разорвали экономические и военные связи с Советским Союзом. За этим последовал роспуск КПСС, разделение Советского Союза на пятнадцать республик и распад Югославии.

Можно выделить два основных геополитических следствия. Вашингтон утратил последний веский довод, который можно было использовать для обоснования того, почему Западная Европа должна была продолжать ориентироваться на Соединенные Штаты (необходимость сохранения общего фронта против Советского Союза). Он также лишился важного косвенного ограничения политики стран третьего мира — роли Советского Союза как проводника ялтинских соглашений в странах, враждебных к Соединенным Штатам. Последнее стало особенно очевидным во время иракского вторжения в Кувейт в 1990 г. Не нужно искажать мотивы Саддама Хусейна. Он только что завершил безрезультатную и изнурительную войну с Ираном, которая велась при активной поддержке Соединенных Штатов. Долги Ирака перед Кувейтом и Саудовской Аравией в результате конфликта заметно выросли, а возвращать их было нечем. У его руководства имелись основания полагать, что Кувейт выкачивал нефть из иракских недр, используя диагональные скважины. Кроме того, Ирак утверждал, что на протяжении семидесяти лет Кувейт был частью Ирака, неправомерно отделенной от него британцами. Саддам полагал, что он сможет решить все проблемы разом, войдя в Кувейт, который в военном отношении не мог сравниться с иракской армией.

Конечно, его беспокоила мировая реакция на то, что явно было, по меркам международного права, агрессией. Но из-за надвигающегося краха Советского Союза он мог позволить себе пренебречь советской позицией. Саудовская Аравия не представляла серьезной военной угрозы. Вероятно, Саддам рассуждал так: либо Соединенные Штаты не смогут отреагировать (в этом его уверял американский посол в Ираке за два дня до вторжения), либо, если они отреагируют, самое большее, что они смогут сделать, — это вытеснить Ирак из Кувейта. Поэтому казалось, что игра стоила свеч. И конечно, он оказался прав. Соединенные Штаты после минутного колебания начали политическую и военную кампанию по выдворению Ирака из Кувейта, добившись того, что четыре страны (Германия, Япония, Саудовская Аравия и Кувейт)

взяли на себя 90 % всех затрат на американскую операцию. Но они остановились на границе из страха, что вторжение в Ирак приведет к негативным последствиям для интересов Соединенных Штатов. Конечным итогом стало status quo ante. Оно, безусловно, было откорректировано санкциями ООН и ограничениями суверенитета Ирака. Но Саддам остался у власти.

На фронте мира-экономики 1990-м гг. суждено было стать десятилетием длительной институционализации неолиберального глобального порядка. На его основной инструмент — Всемирную торговую организацию — возлагалась ответственность за открытие границ стран Юга для торговых и финансовых потоков с Севера при соблюдении прав интеллектуальной собственности. Основной идеей стал лозунг, предложенный Тэтчер десятилетием ранее, — «Альтернативы нет!». Первым геополитическим достижением Соединенных Штатов здесь стало подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле, которое вступило в силу 1 января 1994 г. Страны бывшего социалистического блока, включая Россию, начали оргию приватизации и дерегулирования. То же происходило во многих государствах Юга.

Непосредственным результатом этой политики стало ухудшение экономического положения, исчезновение гарантий социальной безопасности, рост безработицы и ослабление валюты. Все это происходило одновременно с впечатляющим подъемом новых богатых страт. Внутреннее неравенство в менее развитых странах мира возросло. После того как одна из областей Юга, в которой удалось добиться неплохих экономических показателей, — Восточная и Юго-Восточная Азия — в 1997 г. пережила серьезный финансовый кризис, повторившийся годом позже в России и Бразилии, неолиберальный подход перестал казаться решением всех экономических проблем. Он начал встречать политическое сопротивление. Одним из его проявлений стало возвращение к власти во многих странах бывших коммунистических партий, теперь преобразованных в социал-демократические организации, которые были готовы отстаивать по крайней мере некоторые требования социальной защиты. Другим проявлением стали сапатисты в Чьяпасе (Мексика), которые символически начали свое восстание в день вступления в силу НАФТА. Они выступали от имени местного населения, призывая людей распоряжаться собственными жизнями и отказаться от глобального неолиберализма.

В 1999 г. встреча ВТО в Сиэтле, на которой должны были быть выработаны четкие правила неолиберального мирового экономического порядка, была сорвана широкими выступлениями преимущественно американских общественных движений. В следующие годы другие международные встречи сопровождались подобными выступлениями протеста. Кроме того, в январе 2001 г. в Порту-Алегри прошел первый Всемирный социальный форум, который должен был стать народным ответом на Всемирный экономический форум в Давосе — официальную встречу проводников глобального неолиберализма. Программа по замедлению упадка американской гегемонии, казалось, зашла в тупик. Пришло время заново ее переосмыслить.

3. Ускорение упадка. 2001–2025

Такое переосмысление было предложено группой неоконсерваторов, которых Джордж Буш-младший назначил на высокие посты в своей администрации после инаугурации в 2001 г. Эта группа сформировалась в 1990-х вокруг проекта за новый американский

век. Хотя сам Буш не был членом этой организации, его вице-президент, министр и заместитель министра обороны, его брат и многие высшие чиновники или советники его правительства входили или входят в нее. Эта группа крайне критично относилась к внешней политике Клинтона, но по сути отвергала внешнюю политику Соединенных Штатов, направленную на замедление упадка американской гегемонии после 1970 г. Они полагали, что стакан американского могущества был не наполовину полон, а наполовину пуст — американский упадок был слишком реальным. Они связывали его не со структурными изменениями в миросистеме (например, с концом американского экономического превосходства над Западной Европой и Японией), а скорее, с грубыми политическими просчетами и нерешительностью американских президентов. Они не снимали ответственности с Рейгана, хотя и не говорили об этом слишком громко.

Это лобби призывало к радикальному пересмотру американской внешней политики. Они хотели заменить мягкую многосторонность, которая служила основой партнерства, предложенного Соединенными Штатами основным союзникам в 1970–2000 гг., односторонними решениями, предложив союзникам «согласиться или свалить». Страны, которые выступали против нераспространения ядерного оружия, необходимо было заставить соблюдать соглашения. В то же время следовало предпринять усилия, чтобы освободить Соединенные Штаты от ограничений, наложенных на расширение и обновление их собственного ядерного арсенала. Неоконсерваторы стремились блокировать американское участие в новых международных соглашениях, которые каким-либо образом ограничивали свободу действий Америки (Киотский протокол, морское право и т. д.). И прежде всего они выступали за принудительное смещение Саддама Хусейна, который, как они полагали, оскорблял Соединенные Штаты, оставаясь у власти в Ираке. Неявно они обвиняли Буша-старшего в том, что он не пошел на Багдад в 1991 г.

Важно отметить, что многие (если не большинство) из этих людей занимали высокие посты в правительствах Рейгана и Буша-старшего, но они не смогли убедить эти администрации принять такую программу. Им мешала большая группа чиновников, твердо придерживавшихся стратегии Никсона—Клинтона и считавших их предложения опасным безумием. Поэтому их фрустрация была связана не только с Саддамом, но и с американским внешнеполитическим истеблишментом. Она продолжалась и первые восемь месяцев правления Буша-младшего. Затем произошло нападение бен Ладена на башни«близнецы» и Пентагон. И почти сразу им удалось заставить Буша принять их подход. Ему самому и его непосредственным политическим советникам, вероятно, показался привлекательным образ президента-«вояки», который позволял без труда переизбраться и осуществить наиболее заветные внутренние цели.

Логика неоконсервативной позиции была предельно проста. Силовое свержение Саддама (желательно в одностороннем порядке) не только вернет уважение к Америке, но и внушит страх трем группам, политика которых, по-видимому, представляла наибольшую угрозу американской гегемонии, — Западной Европе с притязаниями на геополитическую автономию; странам, стремящимся заполучить ядерное оружие, особенно Северной Корее и Ирану; правителям арабских государств, которые затягивали урегулирование палестино-израильского конфликта на израильских условиях. Неоконсерваторы полагали, что если они смогут быстро и окончательно достигнуть всех целей, сколько-нибудь серьезное противодействие американской гегемонии станет невозможным и мир действительно вступит в «новый американский век».

Просчеты

Но они допустили несколько серьезных просчетов. Они полагали, что военное завоевание Ирака будет сравнительно несложным и обойдется не слишком дорого в людском или денежном выражении. Теперь очевидно, что они ошибались. Хотя американские войска довольно быстро вошли в Багдад в 2003 г., они не смогли установить порядок в стране. Баасистские силы бежали, чтобы составить основу для партизанского сопротивления, возможности и эффективность которого постоянно росли. Вашингтон явно был не в состоянии справиться со сложностями иракской внутренней политики и угодил не просто в военное, но и в политическое болото, из которого ему не удается выбраться до сих пор. С течением времени у Соединенных Штатов оказалось все меньше пространства для маневра, они стали напоминать Гулливера, плененного крошечными лилипутами.

Кроме того, политика запугивания была успешной лишь отчасти. В 2002–2003 гг. Франция и Германия публично заявили о своем несогласии с вторжением в Ирак. Соединенным Штатам пришлось отозвать проект второй резолюции Совета Безопасности ООН, когда стало ясно, что они не получат широкой поддержки. Не лучше запугивание работало и в случае со сторонниками распространения ядерного оружия. Из американского вторжения в Ирак Северная Корея и Иран сделали вывод, что Соединенные Штаты смогли напасть на Ирак не потому, что у него было ядерное оружие, а потому, что его у него не было. Обоим правительствам казалось очевидным, что лучше всего защитить существующие режимы сможет ускорение программ, направленных на создание ядерного арсенала. По тактическим причинам Иран отрицал это, а Северная Корея — нет. Соединенные Штаты утверждали, что обе страны имели такие программы. Но Соединенные Штаты оказались ослабленными в военном и политическом отношении оккупацией Ирака. Стало ясно, что им не удастся совершить успешное сухопутное вторжение в еще одну такую страну. Можно было в качестве упреждающей меры самим использовать ядерное оружие, но последствия этого казались устрашающими. И они сейчас еще меньше способны сплотить Западную Европу или Восточную Азию для того, чтобы заставить эти страны закрыть свои программы. Поэтому, в отличие от неоконсервативных планов, сегодня Соединенные Штаты еще меньше способны сдерживать распространение ядерного оружия после вторжения в Ирак, чем раньше. Что касается арабских режимов, то урок, который они извлекли из вторжения в Ирак, заключался в том, что двусмысленная политика, которую они проводили десятилетиями, была единственно возможной для их собственного выживания. Они были поражены политическими последствиями вторжения — и для Ирака, и для своих собственных стран. И конечно, у них вызвали опасения любые планы Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

Наконец, на фронте неолиберализма Вашингтонский консенсус заметно ослабил свои позиции в странах Юга вследствие ослабления геополитических позиций самих Соединенных Штатов, связанного с Ираком. Переговоры внутри ВТО, которые пыталась возобновить администрация Буша, и предложение Вашингтона создать зону свободной торговли Америк столкнулись с противодействием со стороны бразильского и других правительств Юга. На встрече ВТО в Канкуне в 2003 г. Бразилия присоединилась к Южной Африке, Индии и Китаю, чтобы образовать «Большую двадцатку» для ведения переговоров с Соединенными Штатами и Западной Европой. Основная позиция этой «Большой двадцатки» заключалась в том, что если Юг должен открыть свои границы для торговых и финансовых потоков с Севера и защищать права

на интеллектуальную собственность северных фирм, Север в свою очередь должен открыть свои границы для торговых потоков с Юга в таких отраслях, как текстиль и сельское хозяйство. По внутриполитическим причинам Соединенные Штаты и Западная Европа отказались принять такие требования. «Большая двадцатка» ответила, что в этом случае она не может согласиться с требованиями Севера. В результате, переговоры зашли в тупик, тем самым показав неспособность ВТО продавливать выполнение своих неолиберальных задач. Почти то же самое произошло и с зоной свободной торговли Америк. Бразилия и Аргентина при решительной поддержке Венесуэлы надавили на другие страны Южной Америки, с тем чтобы укрепить связи в общем рынке стран Южной Америки, а не вступать в зону свободной торговли Америк. В результате этот проект потерпел полный провал и Соединенные Штаты вернулись к заключению двусторонних соглашений с менее крупными странами. Такая тактика на самом деле сужает мир свободной торговли, а не расширяет его.

Таким образом, общим результатом внешней политики Буша неизбежно станет ускорение упадка американской гегемонии, а не ее укрепление. В мире начался относительно неструктурированный многосторонний раздел геополитической власти между многочисленными региональными центрами силы — Соединенными Штатами, Великобританией, Западной Европой, Россией, Китаем, Японией, Индией, Ираном, Бразилией. Ни один из этих центров не обладает подавляющим экономическим, политическим, военным или идеологически-культурным превосходством. И в настоящее время не существует сильных альянсов, хотя со временем они скорее всего появятся.

Будущие сценарии?

Размышляя о последующих двух десятилетиях, какие можно ожидать тенденции? Первая — это полный распад нераспространения ядерного оружия с появлением одного-двух десятков небольших ядерных держав в дополнение к уже существующим. Упадок американского могущества и конкурирующие интересы множества центров власти практически гарантируют, что страны, закрывшие такие программы в 1970–2000 гг., возобновят их, а к ним присоединятся и другие. Они будут служить средством сдерживания военных действий во многих зонах мира и сделают последствия таких действий куда более опасными.

На арене мировых финансов господство американского доллара скорее всего сойдет на нет, уступив место многовалютной системе. Очевидно, что евро и иена станут наиболее распространенными средствами финансового накопления и товарного обмена. Вопрос в том, присоединятся ли к ним другие валюты и как рост числа валют, используемых в реальном мире, повлияет на баланс и изменчивость состояния валютной системы. Во всяком случае, падение центральной роли доллара создаст серьезные экономические трудности для Соединенных Штатов в том, что касается существующего национального долга, и вероятно, приведет к снижению уровня жизни в них.

Три региона требуют особого внимания, так как все они сегодня находятся в состоянии неопределенности, выход из которого, вероятно, изменит геополитическую картину. Речь идет о Европе, Восточной Азии и Латинской Америке. Лучше всего известна история Европы. За пять лет — с 2001 по 2005 г. — в этом регионе произошло два главных события. Первое было непосредственным следствием односторонней внешней

политики Буша. Франция и Германия при поддержке других европейских стран открыто выступали против американского вторжения в Ирак на подготовительном этапе, вплоть до марта 2003 г. В то же время они начали заигрывать с Россией, пытаясь создать ось Париж—Берлин—Москва. В ответ Соединенные Штаты при поддержке Британии инициировали противоположное движение, привлекшее в их лагерь многие страны Восточной и Центральной Европы. Это Рамсфельд назвал новой Европой в противопоставление «старой». Действия стран Восточной и Центральной Европы обусловлены прежде всего сохраняющимся страхом перед Россией, следовательно, осознанием необходимости поддержания тесных связей с Соединенными Штатами.

Вторым событием стал провал проекта европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах. Здесь дело обстояло иначе, чем с вторжением в Ирак. Одни выступили против конституции из-за неприятия неолиберализма и опасения, что новая европейская конституция усилит его; другие — из-за опасения дальнейшего расширения Европы в восточном направлении и возможного вступления Турции в ЕС. В обоих случаях противники конституции хотели более автономной Европы, способной сильнее дистанцироваться от Соединенных Штатов. Но наложение этих двух событий — раскола по поводу вторжения в Ирак и провала проекта конституции — пока препятствует движению к более сильной и независимой Европе. Удастся ли повторно запустить этот проект в следующем десятилетии на более прочной институциональной и популярной основе? Придет ли такой возрожденный европейский проект, если он вообще сохранится, к политическому соглашению с Россией, чтобы можно было говорить о евро-российском геополитическом полюсе?

Если обратиться к Восточно-Азиатскому региону, сценарий будет совершенно иным. С одной стороны, эта зона включает только три страны и все они крупные: Китай, Корею и Японию. Две из них в настоящее время находятся в состоянии раскола, которое вряд ли сохранится. Воссоединение (Северной и Южной Кореи, КНР и Тайваня) не будет простым, но его нельзя исключить в период с настоящего времени до 2025 г. Но есть проблема, которая серьезно отличается от тех, что имеют место на другом конце Евразии. В Европе историческая вражда между Францией и Германией во многом преодолена, тогда как раскол между Японией и Китаем с Кореей очень глубок и по-прежнему продолжает вызывать сильные страсти у обеих сторон. Экономические преимущества более тесных экономических связей для трех стран очень велики и могут способствовать смягчению исторической вражды. И здесь есть еще один сложный вопрос: кто именно — Китай или Япония — станет играть ведущую роль в возможном восточно-азиатском союзе? Военные, валютные и политико-культурные проблемы нельзя назвать неразрешимыми, но для этого требуется весьма прозорливое политическое руководство в странах. Но если препятствия удастся преодолеть, восточно-азиатский союз сможет стать самым сильным членом все еще существующей триады Севера. В этом случае он, вероятно, сможет вовлечь Соединенные Штаты в свой лагерь в качестве некоего сочетания опытного политика и младшего партнера. Это уж точно не та роль, которую Вашингтон ищет для себя, но к 2025 г. она может показаться привлекательной и для американского руководства, и для американского населения.

Наконец, Латинская Америка имеет потенциал для превращения в важного самостоятельного участника, если она освободится от американской зависимости и сможет прийти к некой форме экономического объединения. Если ей удастся привлечь Мексику в свой лагерь, то она сможет сделать большой экономический и

политический рывок — безусловно, в ущерб Соединенным Штатам. Вопрос о том, какое место займут другие потенциальные силы — особенно (но не только) Индия, Иран, Индонезия и Южная Африка — в общем геополитическом переустройстве мира, кажется наименее ясным в отношении наступающего периода. И за любым возможным переустройством мировой политики будут стоять вопросы о доступе к энергии и воде в мире, обремененном экологическими дилеммами и потенциально производящем намного больше, чем существующие мощности капиталистического накопления. В этом могут заключаться самые взрывоопасные проблемы, которые невозможно решить геополитическими маневрами и перестановками.

Перевод с английского Артема Смирнова